

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.11.6>

Сун Инънань

Религиозные мотивы творчества Н. В. Гоголя в осмыслении Д. С. Мережковского

Цель исследования - выявить специфику осмысления Д. С. Мережковским религиозных мотивов в произведениях Н. В. Гоголя. В статье рассматривается работа Мережковского "Гоголь. Творчество, жизнь и религия". Научная новизна заключается в описании интерпретации Мережковским христианских взглядов Гоголя, отразившихся в его творчестве и образе жизни. В результате исследования установлено, что Мережковский, экстраполируя свои представления о христианстве на богословские взгляды Гоголя, видел в его творчестве интуитивное ощущение вселенского христианства и поэтому не принял его решения оставить литературу, усматривая в этом хулу на Духа, приведшую Гоголя к саморазрушению, ответственность за которое критик возлагал на церковь.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2020/11/6.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 11. С. 26-31. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2020/11/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

W. Stevens's Poetry in the Aspect of Space (by the Example of Analysing the Russian Translations of the Poem "Thirteen Ways of Looking at a Blackbird")

Miklukho Yuliya Yuryevna, PhD
Siberian State Industrial University, Novokuznetsk
Juliavlasova@mail.ru

The study aims to determine the degree to which translations of W. Stevens's poem "Thirteen Ways of Looking at a Blackbird" are consistent with the author's concept. The study is novel in that it attempts to reconstruct an objective picture of how the work was introduced into the Russian literary use, which contributes to the process of interpreting the American poet's groundbreaking literary heritage, facilitates popularization of this unique creative phenomenon in Russia. As a result, it is proved that W. Stevens remains a stand-alone figure in the Russian literary process requiring further consideration and exploration, which is supported by the lack of comprehensive studies and the number of the Russian literary translations being low.

Key words and phrases: W. Stevens; literary translation; author's concept; artistic space.

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.11.6>

Дата поступления рукописи: 27.02.2020

Цель исследования – выявить специфику осмысления Д. С. Мережковским религиозных мотивов в произведениях Н. В. Гоголя. В статье рассматривается работа Мережковского «Гоголь. Творчество, жизнь и религия». **Научная новизна** заключается в описании интерпретации Мережковским христианских взглядов Гоголя, отразившихся в его творчестве и образе жизни. **В результате** исследования установлено, что Мережковский, экстраполируя свои представления о христианстве на богословские взгляды Гоголя, видел в его творчестве интуитивное ощущение вселенского христианства и поэтому не принял его решения оставить литературу, усматривая в этом хулу на Духа, приведшую Гоголя к саморазрушению, ответственность за которое критик возлагал на церковь.

Ключевые слова и фразы: Д. С. Мережковский; Н. В. Гоголь; русская литература; христианство.

Сун Инънань

Нанькайский университет, Китайская Народная Республика
Song_yinnan@126.com

Религиозные мотивы творчества Н. В. Гоголя в осмыслении Д. С. Мережковского

Развитие русского символизма в конце XIX – начале XX в. стало отражением социокультурных изменений, происходивших в России и требовавших смены философской парадигмы для поиска ответов на вызовы времени. Поэты и писатели Серебряного века, будучи интеллектуальной элитой того времени, создавая новые формы в искусстве и устанавливая художественные законы, испытывали потребность пересмотреть, переосмыслить русскую классическую литературу в контексте новых реалий [11]. Литературно-критическая концепция русской классики Д. С. Мережковского – одного из ярчайших представителей Серебряного века, – на наш взгляд, весьма полно и ярко отражает личную и творческую трансформацию и эволюцию не только самого Мережковского, но и многих авторов той эпохи [15].

Актуальность работы обусловлена необходимостью целостного и системного анализа критического наследия Мережковского, посвящённого творчеству Гоголя, представленного в том числе в полемике с авторами первой половины XX века, а также в современных литературоведческих исследованиях творчества Гоголя и Мережковского.

Цель работы определила конкретные **задачи**: 1) сделать обзор критической литературы, посвящённой гогаведению Мережковского; 2) проанализировать интерпретацию Мережковским религиозных и мистических мотивов и образов в творчестве Гоголя; 3) описать специфику осмысления Д. С. Мережковским религиозных мотивов в произведениях Н. В. Гоголя. Для реализации этих задач были использованы описательный, интерпретационный **методы исследования**, а также метод системного анализа.

Теоретической базой для данной статьи стали работы Т. А. Александровой, Е. А. Андрущенко, А. Белого, Л. И. Волковой, В. А. Воропаева, О. Т. Ермишина, А. А. Журавлевой, В. В. Зеньковского, Н. М. Минского, О. В. Пчелиной, М. О. Цетлина, Л. Л. Кобылинского, в которых всесторонне рассматривается критическое наследие Мережковского.

Практическая значимость заключается в возможности использования выводов и положений статьи при разработке спецкурсов по истории русской литературы как XIX, так и рубежа XIX-XX вв.

Самобытность Мережковского и его умение работать в разных жанрах, а также неординарность его идей вызвали противоречивое и неоднозначное отношение к его творчеству среди современников. Он не был тем, кого принято называть «специалистом узкого профиля»: писатель, критик, философ, историк, публицист – вот примерный перечень его «ролей» в русской культуре [Там же]. В то же время современники Мережковского подчёркивали его способность создавать новые течения, «творить культуру», «освещать своим мирозерцанием все – науку, жизнь, искусство» [4].

Л. Л. Кобылинский (Эллис) указывал на исключительное место Мережковского в литературе благодаря его «способности к самоотрицанию», под которой подразумевал честность и внутреннюю силу «открыто выступить против того, что в значительной степени было провозглашено им самим» [17]. Литературно-критическое творчество Мережковского, вероятно, именно благодаря этой трансформации взглядов, этому вечному пути в поиске истины – «путь от символа к догмату... путь от созерцания к действию... от литературы к новой церкви» [Там же] – стало предметом интереса коллег по цеху.

По воспоминаниям В. В. Зеньковского, «Мережковский был человек выдающихся дарований, большого литературного таланта, напряжённых религиозных исканий», однако он отмечает недостаток Мережковского как историка и критика: излишняя поглощённость собой, интеллектуальный нарциссизм, слишком «заслоняет собой» того, чьё творчество он изучает [12]. Вероятно, это замечание связано с расхождением взглядов на творчество Гоголя у Зеньковского и Мережковского. Зеньковский видел в Гоголе «пророка православной культуры», христианина, объединяющего на пути ко Христу искусство, культуру, богословие, вступившего «на путь религиозного осмысления всей культуры», богословия культуры. По мысли Зеньковского, Гоголь, борясь с пошлостью как с противоположностью добру с помощью высмеивания первой и созерцания последнего, положил эстетическое восприятие и чувство прекрасного на алтарь веры и любви к Создателю [9].

Как отмечает Г. Адамович, Мережковский искал Христа, однако при этом «радовался посрамлению евангельской морали» [1]. М. Цетлин в своих воспоминаниях о Мережковском упоминает, что главной темой всего творчества Мережковского, или, пользуясь словами самого Мережковского, «одной книги, только для удобства изданной в отдельных томах», стало христианство и его роль в современной жизни [16]. Н. М. Минский утверждает, что Мережковский «создал критику миссионерскую, проповедническую» [14], избрав в качестве текста-первоисточника русскую литературу. Добавим, что не всю литературу, а подлинно великую, серьёзную: Мережковский в своих критических очерках, статьях и докладах осветил творчество таких писателей и поэтов, как Ф. М. Достоевский, А. С. Пушкин, Ф. И. Тютчев, Н. В. Гоголь. На осмыслении творчества последнего нам и хотелось бы подробнее остановиться в данной статье.

Исследование этой части критического наследия Мережковского представляется особенно актуальным, так как, соглашаясь с Т. Александровой, заметим, что часть критического наследия, касающаяся творчества и жизненного пути Гоголя, осталась наименее исследованной [2]. Вероятно, небольшая работа, посвящённая творчеству Гоголя, кажется исследователям слишком «скромной» по сравнению с многотомным наследием Мережковского. Е. А. Андрущенко на основании схожей структуры книг, посвящённых анализу творчества Гоголя и Достоевского, высказывает предположение о том, что анализ творчества Достоевского послужил началом критического анализа чёрта в творчестве Гоголя [3].

Обращаясь к биографии Гоголя, Мережковский отмечает разлад реального и мистического, языческого и христианского, который определил не только творчество, но и всю жизнь Гоголя, став лейтмотивом его творчества и его духовного развития. В разные периоды его жизни одно из противоположных начал брало верх, что отразилось в разнообразии и разножанровости его литературных произведений: от «Вечеров на хуторе близ Диканьки» до таинственных и мистических «Мёртвых душ». Необыкновенный язык Гоголя, его реалистичность, удивительная точность в описании малейших деталей всегда остаются его особым почерком, так же как его постоянный, особый, гоголевский смех.

Считая смех Гоголя изначально плотским, земным, вышедшим из первозданной стихии, Мережковский видит в нем «чёрную точку» – соприкосновение двух начал, мира плотского и мира мистического. Сравнивая писателя с заколдованным Каем из сказки Андерсона, Мережковский говорит о том, что смех Гоголя – его проклятье, так как, высмеивая все вокруг, он как бы видит все через «дьявольский осколок стекла» [13]. Однако хотелось бы отметить, что смех Гоголя, даже если предположить, что в нем содержится упомянутый осколок, основан на покаянии, это смех сквозь слезы. Гоголь смеётся над собой, над своими страстями и грехами, раздувая их до гротескного, абсурдного характера и пуская его в свободное плавание по волнам литературных произведений. «Во мне заключалось собрание всех возможных гадостей... Я стал наделять своих героев моею собственной дрянью... взявши дурное свойство моё, я преследовал его в другом звании и на другом поприще, старался себе изобразить его в виде смертельного врага, нанесшего мне самое чувствительное оскорбление, преследовал его злобою, насмешкою и всем, чем ни попало...» [7].

Характеризуя творчество Гоголя, Мережковский отмечает, что основной лейтмотив всего творчества и даже всей жизни – высмеять черта, выставить его дураком перед людьми. Именно смех как символ радости и света противостоит чёрту – олицетворению вечного зла, представителю inferнального мира, воплощающему в себе отрицание Бога. Развивая эту мысль Гоголя, Мережковский удивительно точно отмечает великую разницу между Богом и чёртом: божественная бесконечность как существование вне границ времени, в вечности и дьявольская неоконченность как отрицание самой вечности [13]. Вся сила дьявола – в способности казаться, а не быть; представляться бесконечным, будучи неоконченным; его оружие – способность создавать иллюзии. Эта видимость

как истинная личина дьявола наиболее явно прописана в двух героях – Хлестакове и Чичикове. Эту идею, высказанную А. С. Пушкиным, назвавшим этих двух гоголевских героев «двух бесов изображениями» [Там же], Мережковский развивает и старается доказать её с помощью большого количества цитат самого Гоголя.

Схожесть Хлестакова и Чичикова на первый взгляд неочевидна. Первый – то, что Гоголь называл «тоненький господин», второй – «средней руки господин, во всех отношениях положительный», однако оба они – «две ипостаси вечного и всемирного зла – чёрта» [Там же], они суть воплощение самой опасной, дьявольской «середины», буржуазности, стремления к мирскому комфорту, пошлости. Это проявляется и в ухаживаниях Хлестакова сразу и за матерью, и за дочерью, и в ужимках и прыжках перед зеркалом, проделываемых Чичиковым, равно как и его многочасовые «стояния» перед зеркалом в любовании собственной «мордашкой».

Обоих героев сопровождает сплетня, та сеть, в которую уловляются души человеческие, – сплетения наговоров, страстей, пороков, порождающих самые фантастические события. И в «Ревизоре», и в «Мёртвых душах» сплетня ввергает весь город в обман, но сплетня же и выводит всех героев из морока, из тумана лжи, разрушает иллюзии, однако происходит это слишком поздно, когда они уже ничего не могут изменить. Как будто чёрту мало лишь ввести в заблуждение, важно и дать всем обманутым возможность увидеть своё заблуждение и впасть в отчаяние. Подобно евангельскому сюжету со свиньями – недостаточного было бесам вселиться в животных, важно было свергнуть их в пучину морскую. Именно это состояние морока, наваждения, «египетской тьмы» [7] становится причиной ошибки действующих лиц, их «слепоты». Прозрение же не приносит им радости или облегчения, оно лишь рождает в их душах тоску и страх, оно повергает их в молчание. Прозрев, они становятся немыми, окаменелыми перед встречей с подлинным Ревизором. Однако, отмечает Мережковский, уездный город – лишь осколок того большого и мерзкого, чем является Петербург – «новый Содом» и «чёртов град». И поэтому Петербург не имеет права судить никого из «свиных рыл», составляющих бомонд уездного городка. По мысли Мережковского, «Ревизор» не только не понят зрителями, но даже не до конца осмыслен самим Гоголем, так как развязка этой пьесы лишь сценическая, но не религиозная. Религиозная же развязка комедии каждый день присутствует в жизни, по крайней мере в русской жизни – как «бесконечный смех русской совести над русским Градом» [13] и ожидание того «Ревизора, которого ничем не подкупишь» [Там же]. Именно в этой аллегории Страшного Суда, в этой встрече с истинным Ревизором, от которого ничего не утаить, и есть реальный и мистический смысл «Ревизора», отмечает Мережковский, ибо это «совесть человеческая, правосудие Божие» [Там же].

Дело каждого человека таким образом – не попадаться в дьявольские силки иллюзий, уметь видеть разницу между истинной Вечностью и «пошлостью под видом вечности» [Там же]. Сам Гоголь полагал это умение своей основной чертой, своим даром, главным свойством, принадлежащим ему одному [7]. Это свойство, это умение видеть истинную суть всего позволило ему увидеть дьявола как он есть, без масок и нарядов, в его истинном обличье – «обезьяны Бога» [Там же]. Обезьяна не может быть страшна, она лишь вызывает смех, так как нет в ней ничего загадочного, таинственного, непознанного. Напротив, она заурядна, обыкновенна, пошла. Пошлость, низость, тупость, мелочность – вот истинные свойства дьявола, гораздо более часто встречающиеся, чем подлинные преступления, проявляющиеся «в великих нарушениях нравственного закона, в редких и необычайных злодействах» [Там же]. Нет в нем, как отмечает Мережковский, величия трагичности, драмы, силы зла. Человечество склонно демонизировать демона. Именно умение снять флёр таинственности с дьявола, «раздемонизировать» демона, показать его обыкновенность и пошлость, его «слишком человечность», по мнению Д. С. Мережковского, есть подлинное свидетельство первородства, первопродства Гоголя в русской философско-религиозной, мистической литературе. «Гоголь сделал для нравственных измерений то же, что Лейбниц для математики, – отмечает Мережковский, – открыл как бы дифференциальное исчисление, бесконечно великое значение бесконечно малых величин добра и зла» [13].

Примечательно, что человечность (как схожесть с человеком, человекообразность) чёрта проявляется лишь в толпе, это «лицо толпы», «как все», в то время как человек как личность, как образ Божий, не имеет ничего общего с этим «как все». Соглашаясь быть как все, следовать моде, всему преходящему, зову времени, человек впадает в пошлость и суетность, сливаясь со множеством безликих индивидуумов, становясь одним из тех, имя кому легион. Таким образом, лишь собственное ничтожество человека, возникающее при потере им образа Божия, порождает величие чёрта, лишь человеческая пошлость и плоскость возвеличивают его.

Именно «как все» предстаёт перед нами положительный и солидный Чичиков. Положительность Чичикова, как отмечает Мережковский, носит буржуазный, промышленно-капиталистический характер, она основывается на жажде приобретения, жажде «сколотить копейку». Впрочем, страсть к стяжательству, несвойственная русскому православному архетипу, является основой для культуры европейской, особенно протестантской, и Мережковский не упускает случая отметить это, признавая за русскими удивительный дар срывать с западной культуры хлестаковские цветы удовольствия [Там же].

Общей характерной чертой Чичикова и Хлестакова является непрочность их общественного положения, видимая вначале, как бы «вкрадчивость», прощупывание, насколько готовы обмануться другие. Лишь пошлость и низость других героев делают «странствующего рыцаря денег» Чичикова [Там же] и «подбитого ветром», «простого елистратишку» [9] Хлестакова такими устойчивыми, реальными, позволяет им «стать твёрдой стопой на прочное основание» [13]. Именно этот принцип возвышения за счёт ничтожества других есть истинный механизм величия дьявола, отмечает Мережковский. Впрочем, соглашаясь с Мережковским в том, что Гоголь первый в русской литературе «понял, что черт и есть самое малое, которое лишь вследствие нашей собственной малости кажется великим» [Там же], следует отметить, что большую роль в этом понимании

сыграло чтение святоотеческой православной литературы [6], к которой писатель-мистик постоянно прибегал как к источнику своего духовного развития, стремясь приблизить своё творчество к жанру духовной литературы.

Другим общим качеством для Хлестакова и Чичикова является стремление занять, захватить как можно больше места во времени и пространстве, стать как бы вездесущими. У Хлестакова это проявляется в его раздувшихся, не останавливаемых ничем фантазиях. Ложь Хлестакова, подпитываемая безнаказанностью, обильными возлияниями и сытной пищей, «выращивает» из него как бы сверхчеловека: он причина всему, он *везде*. Последнее слово особенно важно для Мережковского, так как именно оно открывает «лицо чërта почти уже без маски: он вне пространства и времени, он вездесущ и вечен» [13]. Мережковский подчёркивает, что Хлестаков находится в одном шаге от самообожествления. Отсутствие наказания, страха Божия, молчание голоса совести создают у Хлестакова и у окружающих иллюзию его всемогущества. Это ещё раз подтверждает идею Мережковского о том, что лишь человеческая мелочность и пошлость позволяют дьяволу оставаться страшным и великим. Лишь в глазах жалких в своём лизоблюдстве, изворотливости, подлости, низости чиновников, для которых генерал – уже почти Бог, «елистратишка» Хлестаков обретает черты всемогущества и вездесущности. У чиновников нет страха Божия – столь важного в христианстве, – вместо него они испытывают сверхъестественный ужас перед вышестоящими чинами. Мережковский констатирует: «Никто не видит, как растёт за Хлестаковым исполинский призрак, тот, кому собственные страсти наши вечно служат, которого они поддерживают...» [Там же]. На дьявольскую природу Хлестакова, по мнению Мережковского, указывают многочисленные высказывания героев. Почтмейстер даёт характеристику Хлестакову: «Ни се, ни то; черт знает, что такое!» Задаваясь вопросом, кто же такой черт и кто такой плут, Мережковский определяет его так: «... был благородный человек, который поневоле стал плутом» [Там же]. У солидного Чичикова желание стать вездесущим и вечным принимает иную форму, превращаясь в его страстное желание воплотиться в потомках, повториться, породить себе подобное, а не «лопнуть мыльным пузырьём», не оставив ничего после себя.

Оба – и Хлестаков, и Чичиков – являются как бы «безродными», насколько это возможно для совершенного *comme il faut*, оторванными от корней. Они лишены связи со своей культурой, верой, традициями, «не вскормлены» своей землёй, они «искусственные люди... гомункулы, выскочившие из петровской табели о рангах» [Там же]. Оба они нравственные хамелеоны, способные всем нравиться, ко всему приноровиться, мимикрировать под любую социокультурную среду, лишь бы она была богата «свинными рылами» вместо человеческих лиц, «дряхлыми страшилищами», «детьми непросвещения» [Там же]. Безнравственность для них – их природа, естественное их состояние, они не знают угрызений совести, так как совесть есть глас Божий, а они утратили связь с Богом, заменив её связью с дьяволом. Недаром утверждает Гоголь, что одно из главных свойств Хлестакова – «чистосердечие и простота» [Там же]. Только простота эта не голубиная или детская, не «евангельская простота», а простота неоконченного, плоского, пошлого; это не простота, а примитивность. В этой так называемой простоте «три измерения сводятся к одному», а всякая великая мысль, сокращённая, становится «серой пылью» [Там же].

Быть может, безродностью и оторванностью объясняется пребывание обоих героев в вечной дороге, или, быть может, в вечном блуждании. И Хлестаков, и Чичиков раскрываются в одном из маленьких городов, на пути из неизвестно откуда в неизвестно куда; оба скрываются в неизвестном направлении, и никому неизвестно, где они появятся в следующий раз в поисках пошлости и пороков, мёртвых душ, плутуя, подменяя одно понятие другим, вплетая в истину ложь.

Подмена понятий, отмечает Мережковский, особенно поражает в самом словосочетании «мёртвые души»: привычный канцелярский жаргон того времени наполнился глубоким философским смыслом, перевоплотившись в страшный и мистический оксюморон, взрывающий христианскую парадигму, в которой душа, и только душа, бессмертна. В обыденные, отчасти забавные, слова Чичикова о том, что мёртвая душа есть лишь «прах, просто прах... предмет... фу, фу!» [8], Гоголь вкладывает страшное, дьявольское возражение и противопоставление Великой Искупительной Жертве Христа, Который видел бесконечную ценность каждой души и принял крестные муки ради спасения всех людей [13].

Можно сказать, что Гоголь ввёл мистическое начало в русскую литературу [5]. Склонность к мистицизму, ощущение наряду с видимым миром мира невидимого, по мнению Мережковского, стали причиной таинственных болезней Гоголя, которые критик склонен приписывать отсутствию духовной опоры, излишнему увлечению религиозностью, вызвавшим «болезнь религиозного раздвоения». Мережковский настолько увлекается темой болезненности Гоголя, что описывает всю жизнь писателя как агонию, длящуюся десятилетиями: «Гоголь будто и не жил вовсе, а всю жизнь умирал в совершенном одиночестве» [13].

Поворотным моментом в отношении Гоголя к творчеству и в отношениях Гоголя с другими людьми и его окончательным погружением в одиночество Мережковский считает «Выборные места из переписки с друзьями» – книгу, в которой Гоголь изложил свои философские, религиозные, христианские идеи. «Переписка» была воспринята по-разному и в том числе повлекла за собой шквал критики и негласное признание Гоголя сумасшедшим. Многие отнеслись к ней как к попытке учительствовать. Отношение к творчеству Гоголя в церковной среде было таким же противоречивым, как и в светском обществе. Мережковский приводит три совершенно разных мнения представителей церкви о религиозных исканиях Гоголя: о Матфея – духовника Гоголя, – полагавшего, что от искусства необходимо отрешиться; епископа Калужского Григория, считавшего, что Гоголь – лишь «сбившийся с истинного пути пустослов»; и митрополита Филарета, отметившего, что в творчестве Гоголя много доброго и что необходимо «радоваться его христианскому направлению» [Там же].

Считая издание «Переписки» правильным решением Гоголя, его «правотой», Мережковский признает, что писатель, не будучи по природе героем, не смог отстоять своей правды и принял «муку» от общественности, отступившись от самого себя и усомнившись в самом себе [Там же]. Сам Гоголь называл книгу «публичной оплеухой» самому себе и с горечью признавал: «Я размахнулся Хлестаковым» [7]. Между тем Мережковский отмечает, что в «Переписке», быть может, наиболее чётко сформулированы и отражены те богословские взгляды, которые пронизывают все творчество Гоголя. Мережковский считает, что Гоголь «противопологал свой собственный взгляд на Христа всему историческому христианству» [13], и это созвучно собственным идеям Мережковского. Однако критик не может понять и принять стремления Гоголя отказаться от искусства и окупиться в «мрачный монастырь» христианства [Там же]. Собственный конфликт с тем, что он называет «историческим христианством» [Там же], и поиск некоего «нового христианства» Мережковский экстраполирует на жизнь и творчество Гоголя. Отказ от искусства Мережковский называет «величайшим буддийским неделанием» вместо истинной цели христианства – «величайшего деланья» [Там же]. Не видя радости и света в отречении великого писателя от своего таланта во имя спасения души, духовной работы, он пишет: «Начал гладью, а кончил гадью» [Там же].

Утверждая, что на Гоголя снизошло некое наитие, «пророческое предчувствие, смутное чаяние» будущего, вселенского христианства, Мережковский также, по-видимому, «приписывает» Гоголю свои собственные взгляды на христианство. Мережковский утверждает, что Гоголь стремится к полноте и всесторонности христианства, к его «всемирному просвещению», которое он понимает не в его расхожем смысле, а как высветление всей природы человека очистительным огнём в полном соответствии со словами «Свет Христов да просвещает всех!» [Там же].

Большое внимание Мережковский уделяет отношениям Гоголя с духовником – о. Матфеем, который оказал большое влияние на писателя в последние годы его жизни. Мережковский подчёркивает, что священнический сан и монашеская ряса для Гоголя – символ всего христианства, его полноты, его истины. Поэтому Гоголь слепо и свято верит своему духовнику, опираясь на его цельность как на спасительный круг («о. Матфей весь один» [Там же]), так как сам Гоголь «весь раздвоен». Однако именно цельность о. Матфея, по мысли Мережковского, и завершила латентное раздвоение писателя окончательным расколом, так как Гоголь решил отказаться от мирского. «Мир есть отрицание Бога, а Бог – отрицание мира», – заявляет Мережковский [Там же]. Между тем, согласно христианскому мировоззрению, мир – творение Божье, творение не может служить отрицанием своего Творца. Оно может быть лишь свидетельством, доказательством Бога. Заблуждением Гоголя, по Мережковскому, было устремиться слишком высоко – на новое христианство, «сверхисторическое» – и, не достигнув его в силу своей раздвоенности, упасть «ниже исторического христианства» [Там же]. В падении Гоголя Мережковский видит гротеск, всю жизнь сопутствовавший писателю: поистине хлестаковский размах в духовном росте заканчивается «звонкой оплеухой на всю Россию». Конфликт язычества и христианства в Гоголе заканчивается самоуничтожением. Мережковский убеждён, что телесная оболочка начала мстить духу, болезнь стала ответом тела на укрощение, которое пытался предпринять дух: тело перестало «питать корни всей его христианской духовности» [Там же]. В этом восстании плоти на дух также критику видится некий гротеск.

Сгущая краски вокруг христианства и облекая его в черные тона – «тьма среди света мира», – Мережковский и на Гоголя наводит тень, тьму, обвиняя его в чёрствости и ожесточении сердечном, вызванном глубочайшим унынием. Порицая церковь и лично о. Матфея за «анафему над всею русской литературой» в лице Гоголя, Мережковский, очевидно, не видит разницы между просвещением и светом. Апостольские слова «духа не угашайте» Мережковский относит к литературному творчеству Гоголя, настаивая на том, что отказ писателя от творчества был хулой на Духа, угашением Духа [Там же].

По мысли Мережковского, Гоголь нуждался в помощи церкви, чтобы научиться отделять присущее миру, созданному Богом, миру сотворённому и не могущему быть плохим, от мира, «лежащего во зле». Дискутируя с о. Матфеем об отношениях искусства и христианства, Гоголь никак не мог решить для себя вопрос «с Богом он или против Бога» [Там же], иными словами, способно ли искусство служить Богу. Мережковский обвиняет церковь в том, что к мучившему Гоголя вопросу она отнеслась «с чичиковской весёлостью и хлестаковской лёгкостью» [Там же]. Разочарование в искусстве, которое пережил Гоголь, Мережковский представляет не только как «самоумерщвление, но и самоубийство», считая церковь виноватой в мученичестве Гоголя за искусство. Мережковский осуждает церковь за то, что она не дала Гоголю ответа на его вопрос, не разрешила его нравственных страданий, а лишь усугубила его тягу к самоуничтожению. Сжигание Гоголем второго тома «Мёртвых душ» Мережковский называет кощунством и преступлением, хулой на талант как на Божий дар, утверждая, что и Гоголь это чувствовал [Там же].

Подводя итоги, мы полагаем возможными сделать следующие **выводы**: в критической литературе осмыслению Мережковским религиозных мотивов в творчестве Гоголя уделено недостаточно внимания. Мережковского привлекали, прежде всего, религиозные искания писателя, продолжавшиеся всю его жизнь. Большое внимание в работе уделено тому, как Гоголь, высмеивая чёрта в лице Чичикова и Хлестакова, лишает его возможности вызывать мистический ужас. Гоголевское понимание цели и назначения творчества как борьбы с дьяволом, действующим в мире и в сердце каждого человека, в целом не было чуждо Мережковскому, эти идеи он разделял. Однако обнаружение Гоголем некоего изъяна в искусстве и идея отречения от искусства как принесение очистительной жертвы Богу, как высшая ступень духовной работы Мережковскому были

не близки. Он, в отличие от Гоголя, не принимал существующего христианства, считая его искажённой историей формой. Именно поэтому отказ Гоголя от творческой деятельности видится Мережковскому в мрачных тонах и расценивается им как духовное и физическое саморазрушение писателя, в котором, прежде всего, виновата церковь. Вероятно, подобная интерпретация Мережковским религиозных взглядов и обусловленных ими поступков Гоголя, его образа жизни может быть объяснена субъективизмом Мережковского.

Данное исследование даёт возможность для *дальнейшего анализа* религиозных взглядов в творчестве Гоголя и Мережковского.

Список источников

1. **Адамович Г. В.** Жизнь и творчество Д. С. Мережковского [Электронный ресурс]. URL: <https://biography.wikireading.ru/182631> (дата обращения: 17.09.2020).
2. **Александрова Т. А.** Н. В. Гоголь в критической прозе Д. С. Мережковского: дисс. ... к. филол. н. Х., 2005. 178 с.
3. **Андрущенко Е. А.** Пушкин и Гоголь в историософской концепции Д. С. Мережковского [Электронный ресурс]. URL: <http://www.domgogolya.ru/science/researches/1598/> (дата обращения: 17.09.2020).
4. **Белый А.** Символизм как миропонимание [Электронный ресурс]. URL: <https://ruslit.traumlibrary.net/book/beliy-simvolizm-kak-miroponimanie/beliy-simvolizm-kak-miroponimanie.html#s003001007> (дата обращения: 02.10.2020).
5. **Волкова Л. И.** Мережковский. Понимание Гоголя // *Studia culturae*. 2001. № 1. С. 147-154.
6. **Воропаев В. А.** Н. В. Гоголь и святоотеческое наследие (к постановке проблемы) [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/n-v-gogol-i-svyatootecheskoe-nasledie/viewer> (дата обращения: 20.09.2020).
7. **Гоголь Н. В.** Выбранные места из переписки с друзьями [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/g/gogolx_n_w/text_0160.shtml (дата обращения: 16.09.2020).
8. **Гоголь Н. В.** Мёртвые души [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ilibrary.ru/text/78/p.1/index.html> (дата обращения: 26.09.2020).
9. **Гоголь Н. В.** Ревизор [Электронный ресурс]. URL: <https://ilibrary.ru/text/473/p.1/index.html> (дата обращения: 18.09.2020).
10. **Ермишин О. Т.** Н. В. Гоголь и эстетика В. В. Зеньковского (о принципах религиозной эстетики) [Электронный ресурс]. URL: <http://domgogolya.ru/science/researches/1562/> (дата обращения: 20.09.2020).
11. **Журавлева А. А.** Эволюция литературно-критической концепции русской классики у Д. С. Мережковского: дисс. ... к. филол. н. Магнитогорск, 2009. 220 с.
12. **Зеньковский В. В.** Мережковский и его идеи [Электронный ресурс]. URL: <https://biography.wikireading.ru/182686> (дата обращения: 20.09.2020).
13. **Мережковский Д. С.** Гоголь. Творчество, жизнь и религия [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vehi.net/merezhkovsky/gogol/01.html> (дата обращения: 19.09.2020).
14. **Минский Н. М.** Абсолютная реакция. Леонид Андреев и Мережковский [Электронный ресурс]. URL: <http://merezkovski.ru/kritika/minsk.php> (дата обращения: 23.09.2020).
15. **Пчелина О. В.** Философские взгляды Д. С. Мережковского в контексте мировоззренческих поисков рубежа XIX-XX веков [Электронный ресурс]. URL: <https://philhist.spbu.ru/index.php/dissertatsii/315-pchelina-olga-viktorovna-filosofskie-vzglyady-d-s-merezhkovskogo-v-kontekste-mirovozzrencheskikh-poiskov-rubezha-xix-xx-vekov> (дата обращения: 01.10.2020).
16. **Цетлин М. О.** Д. С. Мережковский (1865-1941) [Электронный ресурс]. URL: <http://merezkovski.ru/kritika/zcetlin.php> (дата обращения: 20.09.2020).
17. **Эллис. (Кобылинский Л. Л.)** О современном символизме, о «чёрте» и о «действе» [Электронный ресурс]. URL: <http://litresp.ru/chitat/ru/M/merezhkovskij-dmitrij-sergeevich/zhiznj-i-tvorchestvo-dmitriya-merezhkovskogo/49> (дата обращения: 01.10.2020).

Religious Motifs of N. V. Gogol's Creative Work in D. S. Merezhkovsky's Understanding

Song Yinnan

Nankai University, China

Song_yinnan@126.com

The study aims to determine specific nature of D. S. Merezhkovsky's understanding of religious motifs in N. V. Gogol's works. The article examines Merezhkovsky's work "Gogol. Creative Work, Life and Religion". Scientific novelty of the research lies in describing Merezhkovsky's interpretation of Gogol's Christian beliefs reflected in his creative work and way of life. The research findings have shown that Merezhkovsky, having extrapolated his own ideas about Christianity to Gogol's theological views, found intuitive feel for universal Christianity in his creative work and, for this reason, did not accept Gogol's decision to leave literature, having considered it as blasphemy of the Holy Spirit, which led Gogol to self-destruction, responsibility for which the critic placed upon the Church.

Key words and phrases: D. S. Merezhkovsky; N. V. Gogol; Russian literature; Christianity.